

А разве король имеет обыкновение давать вам отчет? Нет. Он просто говорит вам: господа, в Гаскони или во Фландрии дерутся — идите драться.

И вы идете. Во имя чего? Вы даже не задумываетесь об этом.

А. Дюма. Три мушкетера

ЧАСТЬ I

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Глава I

КАПИТАН, КАПИТАНЮГА, КАПИТАНИШЕ...

Океан лениво накатывал невысокие волны на пологий песчаный берег. Вода подползала к ногам лежащего в шезлонге человека, бессильно шипела и отступала, оставляя на ослепительно белом песке равные, тут же тающие клочки пены. Нежный бриз раскачивал огромные, похожие на слоновьи уши, листья пальм и приятно поглаживал кожу, опаленную южным солнцем.

Лазурь сверху, лазурь снизу, солнце, крики чаек над океаном, тепло, покой и нега — вот оно, простое человеческое счастье, рай земной, край обетованный!

Но чего-то не хватало в идиллической райской картинке: одного мазка кисти гениального художника, чтобы полотно заговорило, совсем маленькой, но

нужной детали, без которой машина не тронется с места. Правда, ждать пришлось недолго. Вот и она, эта самая деталька, наконец возникла на горизонте совсем уж незаметной белой соринкой на ярко-голубом фоне. Через несколько томительных минут точка растянулась в тонкий штрих, который очень скоро явил глазам, скрытым за солнцезащитными очками, приземистый хищный силуэт разбрасывающего буруны катера, на всех парах несущегося к берегу. Это спешили люди, которым не терпелось убить человека, безмятежно лежащего в шезлонге.

А к нему с утра привязалась песня Высоцкого о том, как взвод отлично выполнил приказ, но был один, который не стрелял. Причем от начала до конца он ее не знал и мурлыкал отрывками и отдельными фразами. «Однажды «языка» я добыл, но не донес...»; «Мой командир меня почти что спас, но кто-то на расстреле настоял...»; «И слышу: «Жив, зараза! Тащите в медсанбат! Расстреливать два раза уставы не велят»; «Я пил чаек из блюдца, со спиртиком пивал. Я не успел загнуться, и я довоевал...»

Конечно, в жизни подобного случиться не могло, и все это — буйная авторская фантазия. Взводом, а это по штату, считай, тридцать человек, расстреливать как-то не с руки: если в толпе ноги не оттопчут, то уши уж точно друг другу отстреляют. И насчет тех же самых уставов Владимир Семенович перегнул. Ни в одном воинском уставе слово «расстрел» не упоминается, чай, не Уголовный кодекс, в котором тоже нет даже намека на то, что дважды расстреливать запрещается. Бывали случаи, когда при массовых расстрелах люди случайно выживали, но в песне-то не о

них речь. А раз так, да еще по тем окаянным годам, никак не мог остаться в живых песенный герой. За подобное упущение тот, кто руководил казнью, сам бы пошел под трибунал по «расстрельной» статье. Так что контрольный выстрел в голову — изобретение отнюдь не новое, не девяностых беспредельных годков, а было в ходу, по словам того же автора, еще во «времена далекие, теперь почти былинные, когда срока огромные брели в этапы длинные».

Но это так, к слову. А песня в целом хорошая. Ее Венька Аскольдов под гитару классно исполнял. Да и не только эту. Старлей репертуар имел обширный, по его же словам, что ежели с водочкой, так суток на трое поорать хватит. Кстати, от души попели песни под Венькину гитару, когда ему, Станиславу Гордееву, досрочно звание капитана присвоили.

Стас снял очки и, прищурившись на солнце, улыбнулся, припомнив тот апрельский вечер. И погуляли всласть, и водки попили вдоволь, и песни с ребятами попели, в общем, обмыли четвертую звезду как полагается. А командир группы майор Коля Синицын после третьего тоста, известно какого, чтобы настроение и ребят поднять, устроил новоявленному капитану экзамен и выставил ему за ответ твердый «неуд».

Правда, вопрос был не то чтобы не простой, а неподъемный: сколько существует званий капитана. Станислав напряг память, однако, кроме дореволюционного штабс-капитана и военно-морских капитан-лейтенанта и капитанов трех рангов, ничего так и не припомнил. Правда, это на поверхности лежало, а вопрос явно с подковыркой был. Майор Синицын,

с кислым выражением лица выслушав неуверенный ответ, наставительно поднял указательный палец и просветил подчиненных, что в неписаной армейской табели о рангах наличествует пять капитанских ипостасей. А именно: капитаненок, собственно капитан, капитанюга, капитанище и капитаниссимус.

Капитаненок — это тот (указательный палец майора уткнулся в грудь Стаса), кто только получил четвертую малую звезду на погоны и еще толком не понял, что уже вышел из состояния неразумного «летехи». И это понимание, как и ощущение высоты положения, приходит примерно через год. И тогда капитаненок становится капитаном с полным пониманием ответственности за то, что носит такое гордое звание. Еще через пару лет, когда он окончательно заматерееет, в совершенстве овладеет всеми профессиональными навыками и должностными знаниями и на любой вопрос любому воинскому начальнику сможет дать любой ответ, капитан автоматически становится капитанюгой — обветренным, как скалы, и невозмутимым, как сто эстонцев.

Ну и согласно опять же песенному «капитан, никогда ты не будешь майором», по разным причинам случается, что капитанюга переживает срок получения очередного звания. Порой этот период затягивается настолько долго, что его сверстники уже прилаживают на китель погоны подполковника, а он еще и майорских не примерял. Капитан, а точнее — уже капитанище, становится крайне задумчивым, настроенным на философский лад и вид имеет благообразный, а часто — и просто отрешенный. На любые вопросы он отвечает уже не любыми ответами, а

строит сложносочиненную, неоднозначно толкуемую окружающими и им самим фразу. И те же самые скороспелые подполковники лишний раз стараются не потревожить, не оторвать от возвышенных дум капитанище, потому как уважают его стремление к самосозерцанию и его отстраненность от грубых служебных будней и чувствуют себя виноватыми, что они-то вон оно как, а он — вон оно где...

Ну а звание капитаниссимус присваивается служивому с четырьмя малыми звездочками на погонах в день ухода его на пенсию, в отставку по возрасту. Бывает и такое, и не столь уж и редко. И хор сослуживцев на отважной вечеринке в его честь исполняет композицию соответствующую, под которую скупая слеза по небритой седой щетине капитаниссимуса сползает: «Каким ты был, таким ты и остался, орел степной, казак лихой...»

Вот и выпили тогда под четвертый тост майора за то, чтобы Гордееву, капитанищем и, не дай бог, капитаниссимусом не быть. Правда, Станислав и до капитанюги не дослужился, остановился на чистом капитане. Чуть больше года минуло с того праздника, как нарвался Гор на крупную неприятность. В общем-то, банальная история вышла, едва ли не классическая: не у него первого, не у него последнего нервы не выдержали.

* * *

Тот рейд с самого начала не удался. От информаторов пришли данные, что в районе Ножай-Юрта на границе с Дагестаном будет проводиться совещание

полевых командиров незаконных вооруженных формирований. И будто бы на нем собирается присутствовать Удугов и какой-то важный арабский эмиссар, полномочный представитель Аль-Каиды. Повестка дня совещания: объединение действий боевиков, действующих на территории Чеченской Республики и Дагестана. Тема сбора понятна, а если еще учесть, что серьезный араб нарисовался, то между строк можно прочесть, что боевики деньги зарубежных покровителей делить будут, а точнее — выбирать казначея, через которого «гранты» Усамы бен Ладена станут распределяться.

Хотя информация пришла от надежных людей, у аналитиков большие сомнения возникли по поводу ее достоверности, особенно насчет прибытия в Чечню Удугова. Не тот он человек, чтобы рисковать головой ради идеи независимости Ичкерии, которая уже давно в пар вышла. Потому до сих пор Удугов и жив, и здоров, и его экстрадицией никто голову не забивает, а он в норку где-то в Турции или на Ближнем Востоке забился и голоса не подает. Правда, сведения о прибытии на территорию России арабского эмиссара Аль-Каиды и из-за рубежа от иностранных спецслужб просочились. Так что не поверить информации, полученной из независимых источников, было трудно.

Группу майора Сеницына, у которого Гордеев, для друзей и сослуживцев — просто Гор, был заместителем, десантировали с рассветом с вертолетов в ущелье в тридцати километрах от Ножай-Юрта. Задача перед ними стояла не то чтобы сложная, скажем — обычная: двадцатикилометровый марш в рай-

он, где планировалось проведение совещания, рекогносцировка местности, обнаружение точки сосредоточения боевиков и передача в «центр» координат цели. А далее — блокирование маршрута их отхода на юг после нанесения огневого удара с воздуха по скоплению живой силы. Восточное направление перекрывала группа Мишки Игнатова, Мишеля, однокашника Гора по пограничному училищу, а северо-запад контролировал армейский спецназ.

Неудачи начались почти сразу после высадки. Они прошли по «зеленке» чуть больше двух километров и попали под перекрестный огонь боевиков. Как там оказались «чехи», одному Аллаху известно, скорее всего, случайно пересеклись пути, а точнее — наскочила группа на их ночную лежку. Первым погиб Венька Аскольдов, двигавшийся в голове колонны. Две очереди сошлись на старшем лейтенанте. Ему перебило ноги и снесло половину черепа. Тяжело ранили в живот Серегу Грушевского, прапорщика, спеца-подрывника, шедшего следом за Вениамином. Против пуль калибра 7,62 мм, выпущенных из «АКМ», не помог легкий кевларовый бронежилет. Но с этим уже после разобрались...

Остальные, учить никого не надо было, при первых звуках выстрелов бросились на землю, рассредоточились и ответили шквальным огнем. Бой длился недолго, не больше шести-семи минут. Но и этого хватило на то, чтобы от взрыва гранаты получил осколочное ранение в бедро командир группы майор Синицын. Самое обидное, что боевиков было всего-то пятеро против двенадцати опытных спецназовцев.

Сработал фактор неожиданности, на который, вероятно, и делали ставку «чехи».

А может, просто с перепугу, растерявшись, вместо того чтобы когти рвать куда глаза глядят, палить начали, сволочи...

Четверых боевиков они уложили, а одного, тяжело раненного, прокачали по ускоренной полевой программе. Тот поначалу попытался изображать из себя героя, однако и не таких раскалывали. Через пять минут после тесного общения со старшим прапорщиком Руденко, сопровождавшегося двумя обмороками от болевого шока, боевик выложил все, что знал, включая школьную программу природоведения за четвертый класс, на котором и закончилось его образование.

Оказалось, эта пятерка двигалась со стороны Дагестана, чтобы пополнить ряды отряда Алу Гамидова, действовавшего в районе Шали — Ведено. Двое из них были чеченцы, прошедшие курс реабилитации после легких ранений, а три их товарища дагестанца являлись молодым пополнением и еще ни разу не принимали участия в боевых действиях. Возможно, именно поэтому потери группы ограничились одним «двухсотым» и двумя «трехсотыми». Будь на их месте обстрелянные боевики, еще неизвестно, в чью пользу бы счет был...

О совещании полевых командиров с участием Удугова и арабского эмиссара Аль-Каиды раненый «чех» ничего не знал. Маршрут этой пятерки пролегал довольно далеко от предполагаемого места сбора руководителей незаконных вооруженных формирований.

ваний, поэтому словам раненого боевика можно было поверить.

Поставленную перед группой задачу никто не отменял. Командование людьми вместо выбывшего из строя майора Синицына принял Стас Гордеев, его штатный заместитель. Он вызвал для эвакуации раненых вертушку, оставил с ними одного здорового из группы и ускоренным маршем повел остальных по маршруту.

Они вовремя добрались до указанного места в окрестностях Ножай-Юрта, однако следов боевиков не обнаружили. Как позже доложили информаторы, скоротечный бой их группы и активность вертушек спугнули боевиков. Несколько полевых командиров все же встретились с арабом и Удуговым, но произошло это позже на территории горного Дагестана. Планируемая операция сорвалась.

Разбор полетов был не то чтобы разгромным, однако получили они по полной программе, по самое, как говорится, не балуй.

Естественно, в отсутствие раненого майора Синицына все шишки посыпались на голову капитана Гордеева. До оргвыводов, правда, дело не дошло. Руководитель операции генерал-майор Веклемишев был хоть и московский гость, но свой, из спецов, из «рэксов», что в переводе на общечеловеческий означало «разведчик экстра-класса», прошедший огонь и воду, дым и Крым. Он прекрасно понимал, что особой вины ни на Горе, ни на его командире в срыве операции не лежит: случайность — она и в Африке случайность. Но все же раздосадован был, потому и устроил головомойку. «Почему не выслали передовое

охранение? Почему выбрали именно этот азимут движения? Вас где учили тактике? Не жмут ли вам погоны плечи, товарищ капитан?» Ну и так далее...

Конечно, неприятно слышать подобное, и не во всем прав был генерал-майор, но ему по штату положено ругаться и строить подчиненных. К тому же знал Станислав, что добыл он свои большие звезды не в кабинете, а потом и кровью их заработал. О чем и говорили три нашивки на генеральском кителе — два тяжелых ранения и одно легкое. Это не считая звездочки Героя России. А уж какие легенды о нем ходили! Говорят, пару-тройку раз мир спасал...

А взбесился Гордеев уже после подведения итогов. Генерал и старшие офицеры вышли из штабной палатки, следом за ними, доставая сигареты, потянулись и остальные. Когда Стас проходил мимо майора, генеральского порученца, собиравшего со стола бумаги в папку, неожиданно услышал презрительное замечание:

— Вояки хреновы! Только и умеете, что с бабами воевать и мародерствовать. Да еще водку жрать!

Конечно, следовало сдержаться, но уж очень Станислав раздосадован был. А тут еще перед совещанием ему передали, что в госпитале Серега Грушевский скончался. Двое суток за его жизнь врачи боролись, но так и не смогли спасти.

Взбешенный Гор кинул взгляд на холеного майора, который по возрасту был едва ли не младше его самого, и практически без размаха врубил ему «клювом аиста», средним и указательным пальцами, сложенными в клинок, в солнечное сплетение. Брезгливая мина на лице генеральского порученца смени-

лась маской крайнего удивления и боли. Майор рухнул на стол, захлебываясь в астматическом удушье. Рука Станислава уже метнулась к шее штабного, чтобы довершить начатое, однако предупредительный негромкий возглас Мишки Игнатова за спиной остановил его:

— Гор, не надо! Себе дороже! Эта сволочь того не стоит!

Гордеев с трудом удержал ребро ладони в сантиметре от шейных позвонков майора. Однако гнев требовал выхода. Рука коротко, совсем незаметно взметнулась и опустилась на поясицу порученца в район почек. Тот дернулся и сполз со стола на стул, заботливо подставленный Мишелем. Капитан подтолкнул Гору рукой в спину, направляя к выходу из палатки, и громко объявил:

— Точно нам сегодня компот в столовой какой-то прогорклый дали. Вон человека как скрючило-то! Небось сухофрукты сгноили на складе, а столовским все равно, что в котел сыпать.

— И у меня тоже с утра живот бурлит, — ухмыльнувшись, поддержал Мишку старший лейтенант Голиков из оперативного отделения. — Надо заместителю по тылу пожаловаться. Пусть он своим поварам втык устроит. Вконец оборзели чмошники!

Генерал-майор Веклемишев хмуро рассматривал сидевшего перед ним капитана. Скрывать от него Гордеев ничего не стал и выложил все подробности произошедшего.

— Скажи спасибо сослуживцам, что никто не видел, а точнее — не подтвердил, что ты майора бил. Устроили, понимаешь, круговую поруку. Ну да ладно, это не главное. От трибунала за нанесение телесных повреждений старшему по званию ты, будем считать, отвертелся, но за твою дальнейшую судьбу и карьеру я и гроша ломаного не дам. Майор, конечно, дерьмо человек, однако папаша у него слишком высоко сидит. Его ко мне, как я догадываюсь, для того и пристегнули, что, если бы у нас операция прошла успешно, орден штабному сынку на грудь за мужество и героизм предок бы обеспечил. А тут такой облом! Зря майор в Чечню прокатился. Вот мальчуган и расстроился.

— Его бы под пули, скотину! — мрачно предложил Станислав.

— Не получится, — покачал головой генерал-майор. — Меня еще лейтенантом просветили, что в армии есть два вида должностей: одни — у станка, вторые — у портфеля. Вот ты к станку попал, и от него хрен выберешься. Как и я... А того парня от портфеля бульдозером не оттащишь. В общем, так, подводим предварительные итоги. Рапорту майора я хода не даю, а его самого отправляю в Москву. Ты же служи, как служил. Пока... Потому что, чуеет мое сердце, не кончится это дело добром. Постараюсь прикрыть, но гарантировать ничего не могу. Понял, Гордеев?

— Понял — служить, товарищ генерал-майор, — повеселевшим голосом отрапортовал Стас.

— Вали отсюда, капитан, чтобы мои глаза тебя не

видели, — делано сурово рывкнул генерал. — И нечего на своих руки распускать.

— Я на своих и не распускаю, — усмехнулся Гордеев. — Только на чужих...

— Он еще и пререкается! Кругом! Шагом марш!

Все же не сумел прикрыть генерал-майор Веклемишев Стаса. Говорят, скандалил, защищая Гордеева, и даже рапорт об увольнении писал, но папаша штабного майора был слишком крут — и по положению, и по характеру, поэтому усилия генерала оказались тщетными. «Мой командир меня почти что спас, но кто-то на расстреле настоял...»

Примерно через месяц после тех событий из Москвы пришел разгромный приказ. В нем капитана Гордеева С.Н. обвиняли ни много ни мало, как в срыве запланированной операции. Более того, в этом идиотском приказе утверждалось, что именно по его вине погибли Венька Аскольдов и Сергей Грушевский. На основании вышеизложенного капитана Гордеева С.Н. за дискредитацию высокого звания офицера увольняли из рядов Российской армии. Статья была суровая, по трактовке Мишеля Игнатова, ее можно было приравнять к общеуголовной за изнасилование крупного рогатого скота со смертельным исходом. Вряд ли на деле существовала подобная статья УК, но то, что Гору выдали самый что ни есть волчий билет, с которым в приличное место на гражданке не сунуться и нормальной работы не найти, сомнений не вызывало.

Так что Стасу в ближайшей перспективе светила альтернатива если не в бандиты податься, то уж точно забомжевать. Но случилось иное. Раскатилась пе-

ред ним путаная стежка-дорожка, которая и привела его на этот райский остров, затерянный в Индийском океане.

Катер приближался. Не более чем через семь, максимум — десять минут он минует линию прибоя, сбросит скорость и уткнется носом в песчаный берег. Люди выскочат на пляж, разбегутся по береговой полосе, поводя из стороны в сторону дулами, и начнется...

Станислав потянулся так, что косточки захрустели, и аккуратно, чтобы не поломать хлипкую мебель, выбрался из шезлонга. Подхватив стоявший у ствола пальмы автомат, он неспешно обогнул хижину и скрылся в густых зарослях.

Глава 2

ГАЗИРОВКА И ДРУГИЕ

После увольнения, с горя, а точнее — от обиды, свалился отставной капитан Гордеев в крутой штопор. Пил без перерыва почти полтора месяца. Правда, в серьезный запой, так, чтобы по нескольку дней из памяти вылетало, Стасу уйти не удавалось. Его организм был устроен таким образом, что первые сутки братания с зеленым змием проходили классически строго: радость потребления-общения, опьянение, сильное опьянение, забытье, похмелье. Но уже на следующий день включались внутренние резервы, активно противодействуя общему алкогольному от-

равлению. На вторые сутки радость потребления практически сходила на нет и опьянение толком не наступало, так, какой-то туман мозга застилал и все окружающее виделось в сером цвете. Да и пить не то чтобы не хотелось — скучно становилось, потому что толку от этого питья не было. Более на условный рефлекс смахивало: наливай да пей...

А на третьи пьяные сутки странная внутренняя дрожь у Гора появлялась. Затрясет организм — и минут через десять отпустит, а спустя часок-другой опять появится — и снова исчезнет. Но ежели тряску водочкой пугнуть, а сверху пивом заполировать, да еще несколько раз повторить эту процедуру, то к вечеру дрожь как бы и исчезала, а вернее — наружу выходила, в пальцы, которые подрагивать начинали в такт работе сердца.

На день-два Стас завязывал, пытаясь выйти из штопора, но на него трезвого такая тоска нападала, что он опять тянулся к бутылке. Так полтора месяца и прошли в борьбе с зеленым змием и внутренними терзаниями по схеме: трое суток через двое. Денег на нетрезвое и беспечное житье-бытье хватало. Командировочных и «боевых» на лицевом счете в банке скопилось примерно на полгода «веселой» жизни. Что будет потом, когда они кончатся, Гор не задумывался, а если честно сказать, просто гнал от себя подобные мысли — обиду бы сначала залить!

Из Чечни Гордеев вернулся в Одинцово, в город, в котором родился, вырос, окончил школу и откуда поступил в пограничное училище. А куда было ему возвращаться, как не в однокомнатную квартиру в хрущевке на окраине городка. Станислав не только в

ней был прописан, но и являлся полноправным собственником этой скромной недвижимости. Отец уже пять лет как умер. Мать после его смерти уехала к сестре в деревню. Она продала их трехкомнатную квартиру в центре Одинцова и вырученными деньгами распорядилась по-матерински и по-хозяйски. Купила себе дом, квартиру сыну, а оставшиеся деньги отдала дочери Лизе, старшей сестре Стаса, которая была замужем и имела свою жилплощадь. Два года назад и матери не стало, сгорела от воспаления легких. Простудилась осенью, закашляла, затемпературила. До районной больницы в распутицу-то не доехать, и ближайший медпункт за пятнадцать верст, лечиться сама стала малиной да пирамидоном. Когда совсем плохо сделалось, фельдшера на тракторе привезли из соседнего села, но уже поздно было...

Станислав в свое время был против приобретения «однушки», впрочем, как и «двушки» и «трешки», потому что не видел в этом смысла. Гордеев как раз только окончил училище, и его вполне устраивала комната в офицерском общежитии в части, дислоцирующейся также в Подмосковье, однако далековато от Одинцова. Если на перекладных, электричками или автобусами, так полдня добираться. Да и служба была такая, что о собственной квартире он вспоминал только в отпуске да еще когда сестра напоминала, что деньги на оплату за коммунальные услуги перевести надо. Да что там квартира, в общежитии он в течение года максимум пару месяцев жил. Все больше по командировкам да по выездам... А уж о перспективе, когда он отслужит полный срок, выйдет на пенсию и вернется в Одинцово, Стас даже не заду-

мывался. И вообще, судьба служивого штука капризная: куда забросит, где приземлит — одному богу известно.

Но оказалось, мама была права, и квартира пришлось отставному капитану как нельзя кстати. Правда, за полтора месяца пьяного разгула жилплощадь заросла мусором и грязью, превратившись в неопрятную ночлежку. Гор и его нетрезвые гости менее всего заботились о чистоте. Сестра первые две недели пыталась наводить порядок, уговаривая Станислава наладить быт и бросить пить, но потом и она махнула рукой и не появлялась у брата, а лишь изредка звонила по телефону, проверяя, живой он или нет.

Друзья юности, радостно встретившие возвращение Стаса в родные пенаты, не выдержав объемов выпиваемого и темпов «праздника жизни», один за другим откололись. При нем остался лишь верный оруженосец Олег Зурнаджиев по прозвищу Газировка, школьный товарищ Гора. Станислав не помнил, отчего еще с детства прилепилась к Олежке эта кличка. То ли из-за того, что тот любил эту самую газированную воду, а может просто — из-за зудящих «з-з» и «р-р» в фамилии, напоминающих шипение газировки.

Сын азербайджанца и украинки, донельзя худой, с черными как смоль волосами и голубыми глазами появился в шестом классе, отучился до самого выпускного и осел в Одинцове, хотя первоначально планировалось, что в этом городе семья то ли мостостроителя, то ли инженера-дорожника задержится не более чем на год-полтора. Папа Газировки действи-

тельно через год с небольшим уехал куда-то далеко в Сибирь на строительство очередной трассы, оставив семью в Подмоскowie. Восстала против кочевой жизни мама Олежки, которая впервые за полтора десятка лет семейной жизни обрела, хотя и в коммуналке, собственный угол, причем в непосредственной близости от Москвы. Весомым аргументом было и то, что сын должен учиться в нормальной школе, а там, куда отправлялся папа-мостостроитель, с получением среднего образования было туго.

Возможно, если бы отец Газировки настоял и забрал семью с собой, судьба Олега сложилась бы по-иному, но, осев в Одинцове, счастливой жизни и покой сын с матерью не получили. Папаша растворился где-то в таежных просторах и еще полтора года присылал довольно приличные суммы, однако потом в один момент поток дензнаков иссяк, и семья Зурнаджиевых резко села на мель. Мать трудилась на двух работах, чтобы «поднять» сына, но тот подниматься особого желания не испытывал. Кое-как окончил школу, в вуз, естественно, не поступил, в армию не взяли по хилости здоровья, а работать особого желания у Олежки не было. Болтался, как экскременты в проруби, подрабатывал то грузчиком в магазине и на рынке, то подсобником на стройке, но нигде больше месяца-двух не задерживался. Так что основным источником жизни семьи Зурнаджиевых продолжали оставаться заработки матери. Из коммуналки они так и не выбрались, жили вдвоем в двенадцатиметровой комнатухе.

Пил Газировка постоянно, но в меру. И с деньгами были трудности, да и здоровье не позволяло из-

лишне окаянствовать на ниве пития. Олежка с воодушевлением воспринял появление в Одинцове своего школьного товарища и его относительную состоятельность. Выпить и закусить на халяву Газировка был всегда готов, а тут еще и сдача на сигареты перепала...

В общем, сделался Олежка верным оруженосцем впавшего в загул Стаса Гордеева. Пользы от него было немного, но в магазин сгонять — пожалуйста, найти среди ночи работающий бар — нет проблем, да просто — живая душа рядом. Кстати, и местная милиция не то чтобы уважала Олежку, но знала, что неприятностей от парня ждать не приходится — тихий он алкаш, безвредный. Потому менты зря не приставали, а заодно с ним и Гора не трогали.

Вот только неприятности недолго обходили стороной бывшего капитана спецназа. Забрели однажды поздно вечером Стас с Газировкой в придорожное кафе на окраине, расположенное у Можайского шоссе. Хотели просто пива выпить, а нарвались на крупный скандал с серьезными последствиями.

Приняли они в баре по сто граммов водочки, загладили наркомовскую дозу кружечкой разливного пива, с собой прихватили по паре бутылочек и отправились восвояси. Вот только уйти им далеко не пришлось, прямо у входа в кафе под фонарем друзья поимели неприятности. И нет чтобы обойти стороной, так не выдержал Станислав, ввязался в чужие разборки.

А как не ввязаться было, если трое здоровенных парней с бритыми затылками пытались затащить в черный с тонированными стеклами «Лэнд Крузер»

невысокую стройную девушку в джинсах и темно-фиолетовой блузке. Это уже после припомнил Гордеев, что не тащили они девицу, а теснили ее к машине, стараясь не причинить вреда. И одеты парни были вполне даже прилично — все в строгих костюмах, при белых сорочках и галстуках. Вряд ли эта компания была из Одинцова, вероятнее всего, москвичи резвились. Можайская-то трасса вон она — в пятидесяти метрах от кафе проходит, и, хоть на дворе поздний вечер, движение по шоссе куда как оживленное.

Девица отбивалась от похитителей отчаянно, причем вполне достойно — это Гор как профессионал оценил. Конечно, на супермастера рукопашного боя дама не тянула, но серьезная школа карате-до чувствовалась. По ощущениям Станислава, до черного пояса девушке было далеко, но работала она качественно. И уж совсем удивительно, ее техника была жестко-контактной, по крайней мере, ограниченной в движениях и проведении приемов, присущих чистым спортсменам, Гор не различал.

Девушка стремительно перемещалась по крохотному пятаку, ограниченному «Лэнд Крузером» и тремя обидчиками, градом рассыпая удары направо и налево. Правда, парни не терялись, умело защищаясь и тесня каратистку к открытой задней дверце джипа. Но девушка все равно пробивала блоки и доставала верзил, жая их острыми выпадами. Вот один здоровяк от ее удара ногой в грудь с закрутки пошатнулся и отступил на пару шагов. Второй попытался закрыть образовавшуюся брешь, но сам немедленно получил удар голенью в поясницу и застыл от боли соляным столбом, расставив руки в стороны.

Однако как ни крути, а силы сторон неравные, и было видно, что девушка бьется с противником из последних сил. С каждой минутой темп боя падал, редкие удары достигали цели, а прыжки и закрутки уже не давали должного эффекта, не несли дополнительного ускорения...

— Эй, мужики, вы чего девчонку обижаете?! — неожиданно вырвался у Гордеева возглас. — Трое на одну — неправильный расклад.

Честно говоря, у Гора не было особого желания вмешиваться в чужую свару. Просто для порядка возмущился да девушку стало немного жалко. Дерется неплохо, фигурка ладная и личико не подвело, а эти бугаи даму без ее воли... Стас, хотя и в подпитии крепком был, однако скоро разобрался, что ситуация не простая складывается. И грубым похищением здесь, похоже, не пахнет. Парни девушку к машине аккуратно теснят, стараясь не применять силу. А тот, который в грудь пяткой заработал, по имени назвал и на «вы» вежливо, хотя и с металлом в голосе, обратился к ней: «Анна, прошу вас сесть в машину!»

Но, как говорится, слово не воробей... Вопрос был задан, и на него последовал ответ. И, что самое интересное, Гордеев услышал примерно то, что в глубине души и ожидал услышать. Ты, друг, не нарывайся! А если охота нарваться?!

— У тебя, козла, не спросили, — не оборачиваясь, потирая ушибленную поясницу, бросил стоявший ближе всех к Стасу парень. — Пшел вон, пьянь болотная!

— Ты кого козлом назвал? Пьяню болотной... — зловеще спросил Гордеев, с которого в мгновение

слетел хмель. — Ты, падла, меня, капитана, закозлить хочешь?!

— Стас, не ввязывайся! — жалобно попросил стоявший рядом Газировка и потянул приятеля за рукав. — Они же — натуральные бронтозавры. Стопчут — и не заметят. Пошли отсюда!

Но Станислава уже было не остановить. Он почувствовал, как задрожало тело и тепло побежало по мышцам. И это не являлось пьяной тряской, и дрожь пришла от предчувствия боя, от адреналина, Ниагарой выплеснувшегося в кровь. Обида на всех и на все, долгие недели копившаяся в его душе, похоже, нашла выход.

— Ребята, как мне вас не хватало! — едва не застонал от разом нахлынувшего счастья Станислав. — Олечка, радость моя, отойди в сторонку! Вон туда, к урне хилый. А я пока с ребятами потолкую о жизни, подискутирую...

Не выпуская из рук бутылок с пивом, Гор шагнул к парню, осмелившемуся оскорбить его. Тот мгновенно понял, что ему с тыла грозит опасность, и, развернувшись, принял боевую стойку. Хотя Стаса малышом назвать трудно, как-никак рост метр восемьдесят три и вес под девяносто — вполне соответствующий росту, его соперник был на голову выше Гордеева, не говоря уже о массе, явно избыточной для бойца-рукопашника, но достойной качка-культуриста.

Здоровяк оценивающе окинул взглядом Гора и, похоже, остался доволен тем, что увидел. На его лице появилась презрительная гримаса. Парень разжал ле-

вый кулак и поманил к себе пальцами нежданного заступника девицы.

Станислав, добродушно улыбаясь, вразвалочку двинулся к качку. Он подошел почти вплотную, не выказывая агрессивных намерений, в отличие от противника, который, как только Гор оказался на расстоянии удара, молниеносно выбросил увесистый, размером с хорошую дыню кулак в его физиономию. Хук правой в челюсть, если бы достиг цели, зубы Гордееву точно бы переполовинил, однако подобный исход бывшего капитана не устраивал. Резко дернув вправо головой и пропустив кулак мимо лица, Стас повел в ту же сторону тело, одновременно сбрасывая колено в живот соперника. Можно, конечно, было сработать и руками, но они были заняты бутылками с пивом...

Здоровяк застыл в мгновенно поразившем его параличе от болевого шока, забросив руку, которой он собирался крушить челюсть, за шею Гордеева. Похоже, Гор не только угодил коленной чашечкой в солнечное сплетение, но и сокрушил пару-тройку ребер — кто же их считать будет. Колено у Стаса, давно не тренированное, наверное, из-за этого немного и зануло.

— Эй, ласковый мой, мы так не договаривались, — сбрасывая с шеи чужую руку, проговорил Гор. — Отдохни, проказник!

Он с разворота нанес короткий и мощный удар локтем в грудь качка. Парень, пытавшийся широко открытым ртом поймать воздух, на короткое мгновение замер, а затем закатил глаза и навзничь рухнул на асфальт.

Неожиданно тонко за спиной закричал Газиров-

ка, предупреждая о надвигающейся опасности. Но Станислав и без чужой помощи прекрасно контролировал поле боя.

— Друзья спешат на помощь?! — хохотнул Гор. — Ты кто? Чук или Гек?

Один из товарищей поверженного наземь здоровяка, оставив возню с девицей, бросился на обидчика. Он преодолел несколько метров, их разделяющих, плавными стелющимися шагами. На последнем шаге «Чук» вошел в стремительную закрутку и выбросил ногу в сторону Гордеева. Прием был исполнен качественно, на оценку «отлично», вот только результат оказался плачевным. Стас, в доли секунды разобравшись в намерениях соперника, изящным, почти балетным па, только ускоренным на порядок, протанцевал тройку шажков и неожиданно оказался сбоку от атакующего. В то же мгновение Гор предплечьем поймал бедро находящегося в прыжке противника и мощно рванул его вверх. Потеряв равновесие, тот вниз спиной полетел на мостовую. Одновременно с тем, как парень коснулся земной тверди, кулак с зажатой в нем бутылкой пива опустился на его грудь. Астматическое удушье немедленно перехватило легкие «Чука», лишив его дыхания и сил. Он почувствовал, что теряет сознание...

— Гек! Ну, ты не прав! — только и успел выдохнуть Стас, повернувшись к третьему противнику.

Причем произнес это он по разделениям. В короткой паузе между обращением и утверждением о неправоте визави Гор неуловимо быстрым движением с силой метнул бутылку с пивом в направлении собеседника. На это были свои причины, а конкрет-

нее — пистолет, явившийся на свет из наплечной кобуры. «Гек» успел вырвать его из-под пиджака и даже попытался направить на Станислава, но выстрелить не успел. Хотя, возможно, товарищ пытался просто напугать Гора...

Ему бы повнимательнее быть, летящую бутылку в полутьме разглядеть и увернуться, а не стволом махать, но, увы, подобного не произошло. Очень часто оружие, как правило — огнестрельное, придает владельцу излишнюю самоуверенность. Однако, по утверждению классика, и булыжник есть орудие пролетариата, не говоря уже о пивной бутылке, особенно если она врежется краем доньшка аккурат в височную кость...

Глава 3

КОНЧЕН ДЕНЬ ЗАБАВ

С начала боя прошло не более двух минут. Три недвижимых тела распластались по асфальту. Хотя нет, тот парень, которого Станислав уложил первым, уже подавал признаки жизни. Не открывая глаз, он пошевелился и застонал. По-хозяйски оглядев поле боя, Станислав перевел глаза на девушку и улыбнулся. Ее лицо отражало крайнюю степень изумления.

— Как вы их! — растерянно и одновременно восхищенно произнесла она. — Прямо Терминатор какой-то!

Она еще не восстановилась после схватки с превосходящими силами противника и тяжело дышала, часто вздымая обтянутую блузкой грудь.